

Исследования по теоретической лингвистике. Материалы симпозиума „Смена парадигмы в венгерской лингвистической русистике”. Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Vol. 3. Дебрецен, 2011, 11–30.

Славянские языки и редупликация

Живка КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА

Редупликация – редкое явление в славянских языках?

Этимология отличается от других лингвистических наук своим догматизмом. В ней бытуют постулаты, оказавшиеся революционными для лингвистики, но нельзя не признать, что их абсолютизирование оказалось в немалой степени и вредным для этимологии. Например, открытие фонетических законов младограмматиками, поставило научные основы языкознания и самой этимологии, но их догматическое применение помешало этимологизации ряда слов, которые по причине своей экспрессивности или фонетической мотивированности отклоняются от норм регулярных звуковых изменений (см. [МАСНЕК 1956: 33–40; КОРЕЇNÝ 1952: 323; NEMEC 1980: 27–30; СКАЛИЧКА 1967: 284; АБАЕВ 1986: 20; JOSEPH 1987: 3–4; ABELIN 1999: 14; БУРЛАК–СТАРОСТИН 2005: 50]). Также и абсолютизирование сформулированного Соссюром постулата об арбитранности языкового знака, объясняющего функционирование подавляющего большинства слов языка, привело к игнорированию звукоизобразительных из них. В соответствии с этим постулатом Соссюр формулирует задачи этимологии, как «в первую очередь объяснение того или другого слова при помощи установления его отношения к другим словам. Объяснить – значит свести к элементам уже известным, а в лингвистике объяснить слово – значит свести его к другим словам, ибо необходимого отношения между звучанием и смыслом не существует (принцип произвольности знака)» [1977: 224]. А как показали исследования последних лет, полное игнорирование звукоизобразительности несостоятельно, так как она сыграла немалую роль в становления словарного состава языка (см. [CASSIRER 1944: 146; ВОРОНИН 1982: 129–145; HINTON et al. 1994: 1; BURLING 1999; ROLFE 2000; VOELTZ–KILIAN–HATZ 2001: 3; КОСН 2001; КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2008a]).

Другим таким догматическим постулатом, в значительной мере сказавшимся на этимологизациях, является утверждение об ограниченном распространении редупликации в индоевропейских и, в частности, в славянских языках. При этом игнорируется факт, что редупликация как словообразовательный способ языка характеризуется примитивностью: она свойственна ранней детской речи [FEE–INGRAM 1982; FERGUSON 1983] и

примитивным фонетически мотивированным словам [Поливанов 1968: 301–302]. А примитивность редупликации свидетельствует об ее универсальности. По словам Э. СЕПИРА, «нет ничего более естественного, чем факт широкого распространения редупликации» [1993: 82]. Ср. однако, следующие мнения лингвистов об ограниченном распространении редупликации. А. МЕЙЕ, например, утверждает, что «в индоевропейском не используется прием детского языка, состоящий в простом повторении», что «удвоение является в нем грамматической характеристикой» [1938: 196–197]. Во введении к сборнику, посвященному редупликации, Б. Харч отмечает, что «редупликация не такое уж редкое явление в языках мира, как можно было бы считать с точки зрения индоевропейских языков (разрядка моя: Ж. К.-З.)» [HURCH 2005: 1]. Также и во введении к сборнику, посвященному звуковому символизму, Л. Хинтон, Дж. Николс и Дж. Охала отмечают, что «в европейских языках редупликация используется реже, чем в других языках мира» [HINTON et al. 1994: 9]. Индоевропейские языки не представлены и в недавно опубликованной теоретической монографии Ф. И. РОЖАНСКОГО, посвященной типологии редупликации, которая изобилует примерами из африканских языков [2011]. Вывод о незначительной роли редупликации в славянских и балтийских языках сделан и в работе Х. Андерсена [ANDERSEN 2009]. Отметим, что этот вывод сформулирован автором на основании анализа данных этимологических словарей, на основании именно признанных ими случаев редупликации. В обобщающей статье, посвященной редупликации, О. Ю. Крючкова пишет: «В славянских языках отсутствуют живые, продуктивные модели слогового и корневого удвоения, столь характерные для изолирующих и агглютинативных языков. Слова с подобным удвоением представляют собой р е л и к т ы древнего типа редупликации. Такие слова во всех славянских языках немногочисленны и относятся к древнейшему лексическому слою. Например, русск. *бубен, дадим, перепелка, папа, мама, дядя, тот (<тѣть), колокол, глагол, еле-еле, едва-едва, маломальский, блр. тараторыц'*... Слоговое и корневое удвоение в славянских языках в основном сосредоточено в лексике с междометными и звукоподражательными корнями, хотя количество таких слов тоже невелико (последняя разрядка моя: Ж. К.-З.). Например, болг. *чин-чин* "кукушка"; укр. *ква-ква*; русск. *гагара, гоготать*» [2000: 73].

В контексте всеобщего скептического отношения к редупликации в славянских языках особняком стоит исследование Ф. Р. Минлос, посвященное редупликации в восточнославянских языках [Минлос 2004], работы С. ШЛЯХОВОЙ, в которых рассматриваются звукоизобразительные слова («фоносемантические маргиналии») русского языка, в том числе и образованные при помощи с редупликации [2005, 2006], В. Вѣтова о бол-

гарских изобразительных словах с редупликацией [ВЪТОВ 1977], наши исследования индоевропейской и славянской звуко-символической лексики с редупликацией [КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 1998; 2002а, 2002б, 2003–2004, 2004, 2005, 2006а, 2006б, 2008а, 2009а, 2009б, KOLEVA-ZLATEVA 2002] и др. Не будет преувеличенным, если сказать, что в целом в этимологических исследованиях славянской лексики продолжает господствовать догматическое пренебрежение возможностью образования слов при помощи редупликации.

Последствия игнорирования редупликации

Из-за игнорирования роли редупликации в славянских языках иногда для слов, в которых можно усмотреть редулицированный звуковой комплекс, такая возможность просто отбрасывается. Например, Станг подвергает сомнению вероятность происхождения псл. **če-k-ati/*ča-k-ati*¹, к которому восходят болг. *ча-к-амъ*, диал. *че-к-амъ*, ст.-чешск. *če-k-ati, ča-k-ati*, польск. *cze-k-ać*, ст.-польск. *cza-k-ać* ‘ждать’, словацк. *ča-k-at* ‘ждать, ожидать’, сербохорв. *ča-k-ati* ‘ждать, ожидать’, словен. *ča-k-ati* ‘ждать, подкарауливать’, в.-луж. *ča-k-ać* ‘ждать, ожидать’, из редупликации «виду и с к л ю ч и т е л ь н о й р е д к о с т и э т о г о м о р ф о л о г и ч е с к о г о с п о с о б а в с л а в . » (разрядка моя: Ж. К.-З.; цит. по [ЭССЯ, IV: 13]). При этом не учитывается формально-семантический параллелизм с такими словами с близкими значениями, в которых тоже можно усмотреть редупликацию, как: болг. диал. *кѹ-к-ам* ‘сидеть на корточках; сидеть все время дома’ (цит. по [БЕР, III: 87]), русск. диал. *кѹ-к-нуть* ‘засесть, например, дома’ [СРНГ, XVI: 38], сербохорв. *čú-č-ati, čé-č-ati* ‘сидеть, согнувшись’, чешск. диал. *čú-č-et* ‘сидеть, согнувшись, тихо, неподвижно’, словацк. *ču-č-at, ču-č-kať* ‘сидеть тихо, неподвижно’ (цит. по [BEZLAJ, I: 90]), болг. диал. *чѹ-ч-кам* ‘садиться’ [ЕВСТАТИЕВА 1971: 240], болг. диал. *къ-ц-ъм* ‘садиться на землю’ [КОВАЧЕВ 1970: 28]. Учет формально-семантического параллелизма слов наводит на мысль об их иконизме, о звукоизобразительном генезисе их этимонов и, в частности, о звуко-символизме, прямой связи между звуковой формой слов с незвуковыми значениями (о критериях распознавания звуко-символической природы слов более подробно см. [Колева-Златева 2008: 80–82]). А что касается значения ‘ждать’, то оно может быть развито от значения ‘сидеть’, ср. русск. выражение: *Садись, подожди*.

В некоторых случаях, когда в слове можно усмотреть редупликацию, предполагается з а и м с т в о в а н и е, даже если трудно определить источник заимствования. Например, относительно русск. диал. *корá-кор-а* ‘хохлатый камчатский нырок небольшого размера’ А. Е. АНИКИН отмеча-

¹ Для большей ясности усмотренные редулицированные звуковые комплексы в словах выделены дефисом.

ет, что в слове налицо редупликация элемента *кор-* и что этот факт должен указывать на чукотско-камчатское происхождение. Одновременно с этим автор отмечает, что неясен источник заимствования [2000: 302]. Такая гипотеза была бы более вероятной, если бы не было ряда таких слов с редупликацией, обозначающих распускание перьев, торчащие перья, волосы, как: болг. *ко-кóр-я се* разг. ‘(о птице) расправлять крылья’ (цит. по [БЕР, II: 539]), сербохорв. диал. *ко-куль* ‘пучок волос на голове’ [РСА, IX, 758], болг. диал. *ка-чу́л* ‘пучок перьев на голове у птицы’ (цит. по [БЕР, II: 294]), болг. *чу-чу́л* ‘торчащие волосы, перья и пр. на голове’ [ХИТОВ 1979: 340], чешск. *še-šeř-iti* ‘трепать (волосы), ерошить’ [ЭССЯ, IV: 32], болг. *пу-пу́л-ь* ‘торчащие перья на голове у птицы’ [ГЕРОВ, IV: 398], *фу-фуль* ‘торчащие перья на голове у птицы’ [ГЕРОВ, VI: 317], *ше-ше́р-я се* ‘дуться’ [ГЕРОВ, VI: 330], русск. диал. *хор-хóр-а* ‘растрепанная курица’, русск. *хоро-хóр-иться* ‘храбриться, ершиться, упрячиться, ломаться с угрозами, быть строптивым; хохлиться, надуваться (о курах)’, *хо-хóр-иться* ‘важничать, ломаться’ [ДАЛЬ 1955, IV: 561, 563], русск. *хо-хóл* ‘торчащий на голове клочок волос, шерсти, перьев’ [ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА]. Формально-семантический параллелизм слов, состоящий в выражении значений, выводимых из одного и того же значения (в данном случае – ‘увеличение в объеме’) формами с редупликацией, свидетельствует об иконичности слов, об их звукоизобразительном происхождении. И все они вряд ли заимствованы из других языков. Также и наличие редупликации в русск. диал. *кору́-кор-а* нельзя считать доказательством об иноязычном происхождении слова.

В других случаях в словах с редупликацией выделяются аффиксы, чье значение остается необъясненным, либо указано странным, неясным. Например, для русск. прилагательного *хороший* ‘вполне положительный по своим качествам, такой, как следует и др.’, в краткой форме ‘красив, мил, милостив’ [ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА] можно реконструировать праформу **хор-х-ь(jь)* и сравнить с формами цит. выше русск. *хорохориться* (< **хор-хор-iti se*), *хор-хóр-а* (**хър-хър-*), связанными с характеристикой специфического поведения курицы, которое метафорически может быть осмыслено относительно человека. Во всех этих формах можно усмотреть редупликацию разного типа, полную и неполную, и предположить их звукоизобразительное происхождение (более подробно об этом см. [КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2002; КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2008а: 270–272]). Игнорируя возможность редупликации, Ж. ВАРБОТ реконструирует в прилагательном корень **хор-* и суффикс **-ох-* и отмечает, что этот суффикс не характерен для имен прилагательных [1981: 37–42].

Также и относительно польск. *bo-ber*, диал. *bó-br*, в.-луж. *bo-br*, *bo-bjer*, *bo-br-ik*, болг. *ба-бур-чэ* ‘фасоль’ в [ЭССЯ, II: 149], где они отнесены к псл. **bobъ*, отмечено, что «выделяемый таким образом аффикс *-r-* имеет

древний вид, обычно с ним ассоциируется представление о рано угасшей продуктивности и и.-е. истоках; правда это в настоящем случае не подтверждается историческими данными (ранние примеры нам неизвестны, как и аналогии из других и.-е. языков)». Далее сказано, что можно поставить вопрос, «не связано ли это проблематичное *-r*-производное с *-n*-производными от той же основы герм. **babnā* ‘боб’... и, возможно, другие смежные вопросы, которые приходится пока оставить открытыми». Но если данные слова сравнить с такими названиями маленьких шарообразных предметов, как: русск. диал. *га-гáр-ышки* ‘какие-либо шарики небольшого размера’ [СРНГ, VI: 89], сербохорв. *бо-бор-ошка* ‘округлое образование на листе, которое создает ларва лесного насекомого (Cynips, Diplolepis)’ [РСА, I: 670], *ба-бúр-а*, *ба-бúр-ика* ‘galla’ [RJA, I: 136], сербск. диал. *ба-бор-ка* ‘недоразвитый початок кукурузы’ (цит. по [ЕРСЈ, II: 23]), болг. диал. *ба-бар-óнки* ‘плод хвойного растения’ [Стойчев 1970: 154], *ко-кор-áда* ‘плод хвойного дерева’, *ко-кор-я́га* ‘плод хвойного дерева’, *ку-кур-áди* ‘плоды одного вида соснового дерева’, *ку-кур-éжка*, обычно мн. *ку-кур-éжки* ‘плоды одного вида соснового дерева’ (цит. по [БЕР, II: 538, 539; III: 106]), *па-пúр-е* ‘маленькое зерно фасоли’ (цит. по [БЕР, V: 58]), *пъ-пúр-ек* ‘вид крупной шарообразной фасоли’ (цит. по [БЕР, VI: 67]), можно увидеть, что в этих словах *-r*- принадлежит редупликанту и не является суффиксом. Если бы это был суффикс, как двусторонняя единица, он должен был бы выражать и определенное значение. А нет основания выделить такой суффикс во всех этих словах.

В других случаях отсутствуют и попытки дать какое-либо объяснение выделяемого суффикса или части слова. Например, болг. *ши-шáр-ка* ‘плод хвойного растения’, сербохорв. *ши-шáр-ица*, *še-šár-ica*, *še-šár-ka* ‘шишка хвойного растения’ П. Скок относит к этимологическому гнезду слова *šiška* ‘galla’. О словообразовании лишь говорит, что «на месте деминутивного суффикса *-ька* стоит *-arka* = *-arica*». Значение суффикса не объясняет [СКОК, III: 396]. Также и относительно болг. *пú-пол-ец* ‘шарообразный предмет’, *пу-пúл-чя* ‘шарик’ Болгарский этимологический словарь отмечает, что эти слова являются производными от *пуп* ‘живот; пуп’, а остальная часть слов *-ол-/-ул-* остается без объяснения [БЕР, V: 856]. В данных словах можно усмотреть неполную редупликацию звукового комплекса, содержащего плавный сонант. Как названия маленьких шарообразных предметов, они входят в отношения формально-семантического параллелизма с другими словами с редупликацией, которые тоже называют маленькие шарообразные предметы. Этот факт свидетельствует об иконической природе слов, об их звукоизобразительном происхождении (см. такие примеры также ниже).

Редупликация в звукоизобразительных словах

Все эти факты говорят о том, что редупликация не такое уж редкое явление в славянских языках, и структуру и происхождение рассмотренных слов можно объяснить, только если усмотреть в них редупликацию звуковых комплексов. Современные исследования звукоизобразительных слов показали, что редупликация является их самым ярким структурным признаком [ПОЛИВАНОВ 1968: 301–302; ВЪТОВ 1977: 35; ВОРОНИН 1982: 89; EMENEU–HART 1993: 77–84; NICHOLS 1971: 841; Виноградов 1990: 408; EGVOKNARE 2001: 88–89; ВЕСК 2005: 1, 3; ВОДОМО 2006: 212; РОЖАНСКИЙ 2007: 58]. Со своей стороны, звукоизобразительность относится к универсальным явлениям языка: она свойственна ранней детской речи [WERNER–KARLAN 1963: 47; ШАХНАРОВИЧ 1979: 169; НЕГНЕВИЦКАЯ–ШАХНАРОВИЧ 1981: 22–23; REICH 1986: 37], языкам примитивных культур [NUCKOLLS 1999, 226–228], управляется правым полушарием мозга, которое выполняет более примитивные, более древние функции [БАЛЛОНОВ–ДЕГЛИН 1976: 193–194; ЯКОБСОН 1985: 271, 274, 283], соответствует общим законам языка, каким является стремление к иконичности [WAUGH 1993: 84, WESCOTT 1971] (более подробно об этом см. [КОЛЕВА–ЗЛАТЕВА 2008б]). Как показало проведенное нами исследование, для немалого количества слов славянских языков может быть доказано звукоимпульсивное происхождение [КОЛЕВА–ЗЛАТЕВА 2008а].

Кроме того, из всех признаков звукоимпульсивных слов с диахронной точки зрения редупликация является наиболее устойчивым и, следовательно, наиболее надежным признаком для их распознавания. Как структурный признак редупликация меньше всего поддается маскировке. Если в слове налицо редупликация, которая не может получить морфологической трактовки, то ее функция в нем может быть словообразовательной, а слово – фонетически мотивированным. Если наблюдаются параллельные случаи выражения одного и того же значения или значений, выводимых из одного и того же исходного значения, формами, содержащими редуплицированные звуковые комплексы, то этот факт может свидетельствовать о прямой связи между формой и значением слов, т.е. о звукоизобразительности. Такие дополнительные факты, как формальная вариативность, разнообразие значений, выражаемых одной и той же формой или близкими формами с редупликацией, подкрепляют гипотезу о звукоизобразительном происхождении слов. И если нет основания для предположения звукоподражательной мотивированности, связи между формой и „звуковым” значением, то можно предположить звукоимпульсивную мотивированность, основанную на синестезии, на смешивании ощущений разных модальностей.

Ср. например, формально-семантический параллелизм таких славянских названий маленьких шарообразных предметов, кроме цитированных выше, как: русск. диал. *гур-гу́л-я* ‘шишка, нарост на теле’ [СРНГ, VII: 238], *го-го́л-ья* ‘комочки муки в жидком овсяном растворе для блинов или в блинах’ [СРНГ, VI: 264], *ко-ко́р-ки* ‘мелкие комочки, хлопья в молоке, свернувшиеся в вымени коровы’ [СРНГ, XIV: 97], *пу-пл-у́х* ‘бутон’, *пу́-пл-ушек* ласк. ‘росток, побег растения’ [СРНГ, XXX: 128], *пу́-пор* ‘почка растений, завязь цветка или листа’, *пу-пу́р-ушка* ласк. ‘бутончик’, *пу́-пыр* ‘почка, завязь плода у растений’ [СРНГ, XXXIII: 131–132], сербохорв. *пу́-пу́ль-ица* ‘плод можжевельника, басса Juniperi’ [КАРАЦИЋ 1898: 639], чешск. *bat-bul-e*, *bat-bul-a*, дем. *bat-bul-ka* ‘что-либо круглое’, словацк. *bat-bol-ec*, *bot-bol-ec*, *brm-bol-ec* ‘то же’, укр. диал. *бом-буль-ка* ‘маленький шарообразный предмет’ (цит. по [МАСНЕК 1971: 44]), болг. диал. *бум-бал-ѐс* ‘шарообразный’ [ИЛЧЕВ 1962: 187], н.-луж. *bot-bol-ickaty* ‘шишковатый, узловатый’ [МУКА, I: 62, 63], ст.-польск. *go-gól-ka* ‘молодая завязь плода на дереве’, польск. *gu-gul-a* ‘ягода малины еще не спелая, но слегка румяная’ диал. *gu-gul-ka* ‘неспелый плод вишни’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 866, 939] и др.; милого существа, как: русск. диал. *бу́-б-ик* ласковое обращение [СРНГ, III: 233], *за-зу́л-ина* ‘женщина, которую кто-либо любит; чья-либо любовница’ [СРНГ, X: 98], укр. *зо-зу́л-я* употребляется как ласкательное слово для женщины, преимущественно матери [ГРИНЧЕНКО, II: 77], русск. диал. *мор-мул-ёнок* ‘милый, возлюбленный’ [СРНГ, XVIII: 268], болг. диал. *мо́р-мул-ец*, *мо́р-мул-че* ‘ребенок в животе у матери’ (цит. по [БЕР, IV: 245]) и др.; кривых предметов, как русск. диал. *го-гу́л-ечка* ‘загнутый конец трости’ [СРНГ, VI: 265], *ко-ко́р-а* ‘кривое дерево, ствол дерева с сучьями, принесенный течением реки’ (цит. по [ФАСМЕР, II: 282]), *кара-кул-я* ‘кривое дерево; сучковатая вершина сосны’ [СРНГ, XIII: 71], словацк. *kľu-k-atý* ‘кривой, изогнутый’ [SSJ, I: 706], в.-луж. *klu-k-aty* ‘искривленный, погнутый’ [PFUHL: 259], болг. диал. *кльо-к-ав* ‘искривленный, поломанный’ (цит. по [БЕР, II: 483]), чешск. *kli-k-atý* ‘извилистый, искривленный (несколько раз)’ [PSJČ, II: 139], болг. *ку-кал-и́ца* ‘извилина, кривая линия’ [Геров, II: 428], диал. *ку-кул-яци* ‘кривая линия’ (цит. по [БЕР, III: 101]), в.-луж. *ко-кул-а* ‘изгиб, крюк’ [PFUHL: 266], н.-луж. *ко-кул-ка* ‘маленький изгиб, извилина; крючок’ [МУКА, I: 654], болг. диал. *кър-кол-ици* ‘кривые крутые тропинки’ [СТОЙЧЕВ 1965: 197], польск. диал. *kar-kul-ica* ‘палка с загнутой рукояткой’, *kra-kul-a*, *kar-kul-ica*, *kra-kul-ica* ‘кусочек кривого дерева, кривое дерево’ [Karłowicz–Kryński–Niedźwiedzki, II: 270, 526], словин. *kar-kul-eca* ‘палка, загнутая с одного конца’ (цит. по [ЭССЯ, XIII: 217]) и др.; вращательных движений, как: польск. *dać kur-koń-aka* ‘кувыркаться’ (цит. по [ЛАУЧЮТЕ 1982: 144]), русск. диал. *ку-кор-ѐзгаться* ‘кувыркаться’ [СРНГ, XVI: 43], болг. *пум-нал* ‘волчок’ (цит. по

[БЕР, V: 852]), болг. диал. *ну-пл-як* ‘волчок’ (цит. по [БЕР, V: 856]), *фър-фъл-ак* ‘волчок’ [КОВАЧЕВ 1970: 47] и др.

Наблюдаемый формально-семантический параллелизм между формами с полной (CR₀-CR₀-, CVR-CVR-, CV-CV-) или неполной редупликацией (CV-CVR-, CV-CR₀- или CR₀-C-, CVR-C-) свидетельствует о его неслучайном характере. Его можно объяснить иконичностью названий, прямой связью между их звуковой формой и „незвуковым” значением. Другого объяснения этот параллелизм не может получить.

Недеетимологизированные звукоизобразительные слова с редупликацией характерны для разговорной речи. Ср. сравнительно новые образования: болг. разг. *чо-чи* ласковое обращение к милому существу, *шу-ши* тоже, *джа-джа* ‘любая деталь и устройство (чаще всего небольшого размера)’, *гер-гел-ици* ‘кривые буквы’, польск. разг. *ciu-ciuń-ka*, *ciu-ciul-ka* о маленьком ребенке, о милом существе, русск. разг. *при-бам-бас-ы* ‘любые детали и устройства (чаще всего небольшого размера)’ и др. Такие примеры показывают продуктивность редупликации при образовании звукоизобразительных слов.

Семантика звукосимволических слов с редупликацией формируется на основании иконичности самих звуков и иконичности редупликации, для которой в парадигме когнитивной лингвистики доказано, что связывается с образами грудного ребенка (так как характеризует его речь), повторения (так как повторение звукового комплекса может имитировать повторение события) и множественности (так как наличие больше чем одного звукового комплекса может имитировать идею о множественности). От этих иконически обозначенных образов путем семантического развития по правилам радиальной категории, чаще всего через инференцию развиваются другие значения, например: ‘грудной ребенок’ > ‘маленький шарообразный предмет’ (грудные дети маленькие, пухленькие); ‘грудной ребенок’ > ‘что-то милое’ (связь между грудным ребенком и любовью, привязанностью прагматически естественна); ‘множественность’ > ‘что-то распростертое’ (к распростертости ведет наличие многих объектов во многих местах) > ‘что-то большое’; ‘множественность’ > ‘что-то распростертое’ > ‘что-то неоднородное’ (отсутствие однообразия в состоянии объектов метафорически связывается с отсутствием однообразия в их локализации в результате распростертости) > ‘что-то кривое’ (кривое состоит из неоднородных элементов) и т.д. (более подробно см. [REGIER 1998: 887–889; КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2008a: 246–254]).

Затемнение редупликации

В некоторых случаях возможно затемнение редупликации. Это, во-первых, возможно из-за диссимиляционных изменений повторяющихся

фонем с целью облегчения артикуляции. Как отмечает А. МЕЙЕ, повторение сонанта ведет к неудобству, которое преодолевается диссимиляционными изменениями. Поэтому в словах с редупликацией сонанты **r* или **l* иногда заменяются сонантами **n* или **i* [1938: 197]. Диссимиляционным изменениям подвергаются также консонанты и вокалы редулицированных звуковых комплексов. Ср. например: болг. *вър-вол-як* ‘вереница’ и *гър-въл-им се* ‘ходить медленно, пошатываясь’ (цит. по [БЕР, I: 302]) – вторая форма с диссимиляцией консонантов по месту и способу образования: $v - v > z - v$; белорусск. *бур-бал-ка*, *бул-дыр*, *бур-дыр* ‘водяной пузырь’ [БАЙКОЎ-НЕКРАШЭВИЧ] – последние две формы с диссимиляционными изменениями консонантов по месту образования: $b - b > b - d$; польск. диал. *gi-gl-ac* ‘щеготать’ [SŁGP], бълг. *гъ-дел* ‘щекотка’ (цит. по [БЕР, I: 299]) – вторая форма с диссимиляцией консонантов по месту образования: $z - z > z - d$; польск. *gal-gan*, диал. *gal-kun* ‘рваная тряпка; вещь без стоимости; старая одежда’ [KARŁOWICZ-KRYŃSKI-NIEDŹWIEDZKI, I: 798] – вторая форма с диссимиляцией консонантов по глухости / звонкости: $g - g > g - k$; укр. *буль-б-а* ‘земляная груша, Helianthus tuberosus L.’, диал. ‘мелкий картофель’, укр. диал. *буль-м-а* ‘картофель’ (цит. по [ЕСУМ, I: 291]) – вторая форма с диссимиляцией редулицированного консонанта по способу образования: $b - b > b > m$; словен. *mrá-mor-i*, *brá-mor-i* ‘скрофулез (туберкулезная инфекция с отеком лимфатических узлов – замечание мое Ж. К-З.)’ (цит. по [BEZLAJ, II: 199]) – вторая форма с диссимиляцией консонантов по способу образования: $m - m > b - m$; польск. диал. *gara-gol-a* ‘картофель’, укр. диал. *гара-гól-я*, *гара-бól-я* ‘то же’ (цит. по [ЕСУМ, I: 137, 470]) – последняя форма с диссимиляцией редулицированного консонанта по месту образования: $r - r > r - b$ или результат контаминации с укр. диал. *бара-бол-я* ‘земляная груша’ (цит. по [ЕСУМ, I: 138]); русск. диал. *ко-бур-я́тсья* ‘кувыркаться, перевертываться через голову’ [ССРНГ: 227] – форма с диссимиляцией консонантов по способу образования и по глухости / звонкости: $k - k > k - b$ (ср. с русск. диал. *ку-кор-э́згаться* ‘перевертываться через голову, кувыркаться’ [СРНГ, XVI: 43]); словен. диал. *mr-mol-ika* ‘раст. Trifolium agarium’, *mr-mul-ika* ‘то же’, сербохорв. *mr-mul-jika* ‘раст. Trifolium campestre’ и словен. *br-mul-ika* ‘раст. Trifolium agarium’ (цит. по [BEZLAJ, II: 202]) – последняя форма с диссимиляцией по способу образования $m - m > b - m$. В контексте болг. диал. *пър-пел-ам се* ‘валяться (в пыли, в песке, на земле)’, *пър-пел-эш* ‘волчок с острым концом для вращения’ *пър-пел-эшкам се* ‘(о детях) валяться (в песке)’ (цит. по [БЕР, VI: 99–100]) редупликацию и диссимиляционные изменения можно усмотреть и в болг. диал. *пър-гел-ам се* ‘валяться (в пыли)’ (цит. по [БЕР, VI: 77]), *пър-тел-яшка* ‘вертячка’ (цит. по [БЕР, VI: 105]), болг. *тър-кал-ям се* ‘катить, вращать, валять’. В контексте болг. *брь-бін-ець*, *брь-бін-якъ*, *бро-бін-ець*, *бро-бін-якъ* ‘муравей’ [ГЕ-

РОВ, I: 71, 75], диал. *бра-бѹн-як*, *бро-бѹн-як* ‘муравей’ (цит. по [БЕР, I: 72]), сербск. диал. *bra-bĭn-ci* ‘муравьи’ (цит. по [СКОК, II: 462]), чешск. диал. *bra-ben-ec* ‘муравей’ [PSJČ, I: 181], *bra-bl-enec* (*bra-blen-ec*) ‘то же’ (цит. по [МАСНЕК 1971: 378, НОЛУБ–КОРЕЇЧНУ 1952: 232]) диссимиляцию по способу образования $b - b > b - v$ можно усмотреть в ст.-чешск. *bra-ven-ec* ‘муравей’ [GEBAUER, I: 98], болг. диал. *бра-вѹн-як* ‘муравей’ (цит. по [БЕР, I: 72]). В контексте сербохорв. *ba-bl-jača* ‘вид терпких яблок’ (цит. по [СКОК, I: 83]) в сербск. диал. *ба-вл-ѹца* ‘слива с крупными желтыми плодами, которая поспевает в конце июля’ (цит. по [ЕРСЈ, II: 41]) можно усмотреть редупликацию и диссимиляцию редуплицированного консонанта по способу образования: $\bar{b} - \bar{b} > v - \bar{b}$.

Кроме того, редуплицированные консонанты, попадая в разное фонетическое окружение, подчиняются действию разных фонетических законов и эволюируют по-разному. Ср. например, болг. диал. *кур-чел-ѹбам се* ‘качаться’ (цит. по [БЕР, III: 151]) – форма с развитием редуплицированного консонанта по правилам первой палатализации; польск. *gru-zel*, *gru-zl-a*, диал. *gru-ziel*, *gru-zol* ‘шарик’, *gru-źl-a* ‘комочек земли’ (цит. по [BOGUS 2005: 183]) – формы с развитием редуплицированного консонанта по правилам второй палатализации, вероятно в связи с экспрессивной палатализацией консонанта, которая осуществилась во время, когда действовал закон второй палатализации; русск. диал. *гу-жель* ‘опускаемая под лед веревка, к которой привязан крюк с живцом’ [СРНГ, VII: 204] – форма с развитием $g > \check{z}$ по первой палатализации перед *e* (ср. с русск. диал. *го-гѹлечка* ‘загнутый конец трости’ [СРНГ, VI: 265]); русск. диал. *ко-чер-гá* ‘палка с загнутым нижним концом для игры в шары; клюка, палка, посох’ [СРНГ, XV: 126], *кóл-ч-ѹть* ‘хромать’ [СРНГ, XIV: 203] – формы с развитием редуплицированного консонанта по правилам первой палатализации. В контексте русск. диал. *кóл-ч-ѹть* ‘хромать’, *кóл-ч-а* ‘хромой’ редупликацию можно усмотреть и в *кол-т-áть* ‘хромать’, *куль-т-я* ‘хромой’, *куль-п-áть* ‘хромать’, *куль-п-á* ‘хромой, калека’, *куль-г-á* ‘хромой человек’, чешск. *kul-h-ati*, словацк. *kul-h-atĭ*, ст.-польск. *kul-g-ac* (цит. по [Фасмер, II: 297, 288, 298, 412, 413]) – формы с диссимиляционными изменениями по месту образования и по глухости / звонкости. Вариативность последних слов можно объяснить также креативностью индивида, какую он может проявлять к звукоизобразительным словам, видоизменяя существующие из них [MIKONE 2001: 224].

Затемнение редупликации может произойти и из-за осуществленных незакономерных фонетических изменений в связи с эмотивностью, экспрессивностью звуко-символических слов. Часто это постигается путем палатализации. Ср. например: болг. *шѹ-кал-ка* ‘плод хвойного растения; образование в виде орешка на ветках дуба’, *шѹ-кл-а* ‘шишка; желудь’ [ГЕРОВ, V: 580], *шѹ-кл-а* ‘чернильный орешек’ [ШКЛИФОВ 1977: 326] – форма

с экспрессивной палатализацией $k - k > k' - k$, осуществленной еще в предпращлавянскую эпоху с последующим изменением $s - k > \check{s} - k$; укр. диал. *т́он-дзуль* ‘сбитый твердый комочек в шерсти’, *т́он-дзиль*, *т́он-дзурь*, *т́он-дзур-я*, *т́он-зель*, *т́он-зиль* ‘то же’ (цит. по [ЕСУМ, I: 560]) – формы с экспрессивной палатализацией редулицированного консонанта и последующей палатализацией: $g - g > g - g' > g - (d)z$ (ср. с укр. диал. *ган-ѓульки* ‘комочки навоза на шерсти скота’ (цит. по [ЕСУМ, I: 467])); болг. диал. *чу́-к-а* ‘большое вздутие на теле от удара’ [СТОЙЧЕВ 1965: 303] – форма с экспрессивной палатализацией редулицированного консонанта и последующим изменением: $k - k > k' - k > \check{c} - k$; русск. диал. *ко-кóр-а* ‘комочек (грязи, снега и т.д.)’, *ко-кóр-ки* ‘комья грязи, сухие или замерзшие куски, комки грязи’ [СРНГ, XIV: 94, 97], *ко-кúр-ка* ‘ком грязи’ [СРНГ, XIV: 105], русск. диал. *ко-чу́р-а* ‘ком грязи’ [СРНГ, XV: 135] – последняя форма с экспрессивной палатализацией $k - k'$ и последующим изменением $k' > \check{c}$; чешск. *ко-коš-ка* ‘пастушья сумка, Capsella’ [PSJČ, II: 185], болг. диал. *ко-кóш-ка* обычно в мн. ч. ‘вид клевера с шарообразными цветками’ [ИЛЧЕВ 1962: 193] – формы с экспрессивным \check{s} на месте на l ; русск. диал. *бала-бóл-ка* ‘поплавок круглой формы у различных рыболовных снастей: сетей, невода и т.д.’, *бара-бóш-ка* ‘поплавок на рыболовных снастях’ [СРНГ, II: 66, 102] – вторая форма с экспрессивным \check{s} на месте l ; сербохорв. *ба-бúр-а*, *ба-бúр-ица* ‘galla’ [RJA, I: 136], сербск. *бо-бор-ошка* ‘желудь’, *ба-буш-ка* ‘неспелый плод дуба’, *бу-буш-ка* ‘желудь’ (цит. по [ЕРСЈ, II: 37, 38]) – последние две формы с экспрессивным \check{s} на месте r (если \check{s} элемент редуликанта, а не суффикса).

Маскировка редуликации может произойти и из-за контаминации, которая характерна для звукоизобразительных слов в связи с формальным и семантическим сходством между многими из них. Ср. например: болг. диал. *барам-бóй*, *брам-бóй*, *бръм-бóй*, *бръм-бол-е*, *бръм-бул-е* ‘картофель’ (цит. по [БЕР, I: 32]) – формы с возможной контаминацией названий маленьких шарообразных предметов типа **bat-bul-* и **bar-bor / *bar-bol / *bar-boj*; русск. *хара-бóрь-я* ‘края обитой одежды’ [ДАЛЬ 1955, IV: 543] – форма с возможной контаминацией форм типа русск. диал. *бала-бóл-ки* ‘оборванная, болтающаяся пола платья; лохмотья’ [СРНГ, II: 66] и *хор-хóр-ы* ‘нечистые отрепья, висящие в поношенном платье’, *хоро-хор-ки* ‘тряпье’ (цит. по [ВАРБОТ 1981: 39]).

Рассмотренные проявления маскировки редуликации прогнозируемы, и поэтому редулицированные формы можно распознать в этимологическом анализе.

Что касается характера редуликанта, отметим, что в момент образования звукоименного слова он не является морфемой. Только целое ономастическое слово, образованное при помощи редуликации, становится двусторонней, знаковой единицей.

Параллелизм между формами с полной и неполной редупликацией

Нередки случаи параллелизма между словами с полной и неполной редупликацией. Ср.: болг. диал. *га-гъл'-ка* 'маленькое возвышение из камней, земли в поле, огороде, на лугу' и *гар-гъл'-ка* 'то же' [СТОЙЧЕВ 1970: 162 – 163]; болг. диал. *дзѝн-дз-а* 'опухшее место на теле от удара', *дзѝн-дз-а* 'желвак от удара' (цит. по [БЕР, I: 377, 378]) и *дзѝн-дзал-ъ* 'желвак на голове от удара' [ЕВСТАТИЕВА 1971: 170]; сербохорв. *тр-тол'-ак*, *тр-тл'-ас*, *тр-тл'-ак*, *тр-тл'-ас* 'головастик' и *тр-т-ак* 'то же' [RJA, VII: 71–75]; укр. диал. *бѣм-бул* 'дурак' и *бѣм-б-а* 'то же' (цит. по [ЕСУМ, I: 166]); ст.-польск. *бом-бел*, *ба-бол* 'пузырь; пустое место в литье, прыщ' [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 108] и польск. диал. *бом-б-а* 'большой пузырь' (цит. по [SP, I: 346]); сербохорв. *дѝн-дар-а* 'высокая, плотная, толстая женщина' и сербохорв. *дѝн-д-а* 'высокая, плотная, толстая женщина' [RJA, II: 888]; русск. диал. *дун-дул'-я* 'болван, дылда, верзила, остолоп, долговязый человек', *дун-дул'-ук* 'дурак, болван' и *дун-д-ук* 'бездельник, лентяй; глупый, бестолковый, невежественный, упрямый человек; сутуловатый, сгорбленный человек высокого роста; толстяк' [СРНГ, VIII: 258]; болг. *гъ-гр-ѝца* 'долгоносик, насекомое *Bruchos pisi* (которое ест фасоль, чечевицу, пшеницу)' и диал. *гър-гър-ѝца* 'то же' [МЛАДЕНОВ 1969: 220]; русск. *хоро-хор-иться* 'важничать, ломаться', диал. *хор-хор-а* 'взьерошенная курица' (цит. по [ФАСМЕР, IV: 269]) и *хо-хор-иться* 'важничать, ломаться' [ДАЛЬ 1955, IV: 563]; болг. диал. *вр-в-ѝтам се* 'ходить туда-сюда без дела' и словен. *вр-в-ѝти* '(о скоплении людей) кишеть, шуметь' (цит. по [БЕР, I: 187, 209]). Формы с полной редупликацией следует считать исходными по отношению к параллельным формам с неполной редупликацией, которые могут быть получены в результате изменений вследствие синтагматической экономии.

Образование нередуцированных форм от редуцированных

От редуцированной формы может быть образована в результате гаплогонии или редеривации нередуцированная форма с тем же значением, что и исходная редуцированная форма. Ср. чешск. диал. *bélat* 'кивать, давать знак рукой; качать, колебать', с одной стороны, и *bam-bul-ati*, *bam-byt-ati*, *bom-bol-ati*, *bom-bél-at*, *bum-bul-at* 'то же' (цит. по [МАСНЕК 1971: 44]), с другой; болг. диал. *мурѝз* (цит. по [БЕР, IV: 336]), сербск. *muruz* (цит. по [СКОК, II: 229]), с одной стороны, и болг. диал. *мо-мор-о̀зъ*, *мѝ-мур-узъ* [ГЕРОВ, III: 80, 91], сербск. *tu-mùr-uz* (цит. по [СКОК, II: 229]), с другой; сербохорв. *курѝза* словен. *korúza*, с одной стороны, и болг. *ку-кур-ѝз*, сербохорв. *ку-курѝза*, *ко-кор-уз*, словен. диал. *ku-kur-úza*, *ku-kur-íca*, русск. *ку-кур-ѝза*, укр. *ку-курѝза*, белорусск. *ку-курѝза*, чешск. *ku-kuř-ice*, словацк. *ku-kur-íca*, польск. *ku-kur-ydza*, *ko-kor-ysa*, с другой (цит. по [БЕР,

III: 109–110]); укр. диал. *буля* ‘картофель’ (цит. по [ЕСУМ, I: 291]), с одной стороны, и польск. *bul-b-a* ‘картофель’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 232], белорусск. *буль-б-а* ‘картофель’ [БАЙКОЎ-НЕКРАШЭВІЧ], укр. *буль-б-а* ‘земляная груша, *Helianthus tuberosus* L.’, диал. ‘мелкий картофель; репа, *Brassica campestris* L.’, русск. *буль-б-а* ‘картофель’, *бунь-б-а* ‘картофель; земляное или чертово яблоко’ (цит. по [ЕСУМ, I: 291]), с другой; сербохорв. *гула* ‘опухоль, шишка’ [РСА, III: 747], с одной стороны, польск. диал. *gul-g-a*, ‘шишка’ [KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI, I: 939], русск. диал. *гуль-г-а* ‘шишка (на лбу, на голове от удара)’, *гуль-к-а* ‘шишка, волдырь, опухоль’ [СРНГ, VII: 218, 219], с другой, (возможна редеривация *gul-g-a* > *gula* > *gulka* или сначала диссимиляция консонантов по глухости / звонкости: *gul-g-a* > *gul-k-a* > *gula*).

Такие случаи наводят на мысль, что целесообразно проверять возможность звуко-символического происхождения также и для слов с нередуцированной формой, если для них можно установить формальную и семантическую близость с рядом слов с редупликацией. Например, для русск. *шар*, болг. *шар* ‘шар’, которое не имеет этимологии (см. [МЛАДЕНОВ 1941: 691; ФАСМЕР, IV: 406]), можно сформулировать гипотезу, что образовалось в результате гаплогонии от редуцированного образования, обозначающего маленький шарообразный предмет (ср. с болг. *ши-шар-ка* ‘плод хвойного растения’, сербохорв. *ши-шар-ица*, *še-šàr-ica*, *še-šàr-ka* ‘шишка хвойного растения’). Такая гипотеза подкрепляется и фонетическими данными – начальным *ш*, которое можно объяснить только характерным для звукоизобразительных слов использованием нетипичных для языка фонем, часто заимствованных, или фонем в нетипичной позиции (о формальных признаках звукоизобразительных слов более подробно см. [КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2008а: 72–73]).

Заключение

Проведенное исследование славянского языкового материала показывает, что редупликация в славянских языках совсем не изолированное явление, что при ее помощи образовались и продолжают образовываться звукоизобразительные слова. И есть все основания считать, что между догматическим утверждением об арбитранности языкового знака, следствием которого является мнение об ограниченной роли звукоизобразительности в индоевропейских и, в частности, в славянских языках [МЕЛЬНИКОВ 1969; ХУСАИНОВ 1990: 158; NUCKOLLS 1999: 228], и мнением об отсутствии редупликации в этих же языках существует взаимосвязь. Не отрицая роли арбитранных знаков как более совершенных знаков языка, все-таки следует признать и естественность их иконического звукоизобразительного генезиса.

Литература

- АБАЕВ 1986: В. И. Абаев. Как можно улучшить этимологические словари // Этимология 1984. Москва: «Наука», 7–27.
- АНИКИН 2000: А. Е. Аникин Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва–Новосибирск: «Наука».
- БАЙКОЎ-НЕКРАШЭВІЧ: Беларуска-расійскі слоўнік. Укладальнікі: М. Байкоў, С. Некрашэвіч. Менск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1925. Факсімільнае выданьне: Менск: Народная асвета, 1993. Online: <http://slounik.org/bn>, Accessed: May 01, 2008.
- БАЛЛОНОВ–ДЕГЛИН 1976: Л. Я. Баллонов, В. Л. Деглин. Слух и речь доминантного и недоминантного полушарий. Ленинград: «Наука».
- БЕР: Български етимологичен речник. София: Издателство на БАН, 1971–
- БУРЛАК–СТАРОСТИН 2005: С. А. Бурлак, С. А. Старостин. Сравнительно-историческое языкознание. Москва: «Академия».
- ВАРБОТ 1981: Ж. Ж. Варбот. Славянские этимологии // Этимология 1979. Москва: «Наука», 28–41.
- ВОРОНИН 1982: С. В. Воронин. Основы фоносемантики. Ленинград: Изд. Ленинградского университета.
- ВЪТОВ 1977: В. Вътов. Удвоения в структурата на българските изобразителни думи // Език и литература. XXX II. кн. 1, 35–46.
- ГЕРОВ: Н. Геров. Речник на българския език. Фототипно издание. Т. I–VI. Т. VI събрал, наредил и изтъкувал Т. Панчев. София. (1895–1908), 1975–1978.
- ГРИНЧЕНКО: Б. Гринченко (Упор.). Словар української мови. Т. I–IV, Київ, 1907–1909.
- ДАЛЬ 1955: Вл. Даль Толковый словарь живого великорусского языка. Набрано и напечатано со второго издания 1880–1882. Москва.
- ЕВСТАТИЕВА 1971: Д. Евстатиева. Лексиката на говора в с. Тръстеник, Плевенско // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. VI. София: Издателство на БАН, 151–243.
- ЕРСЈ: Етимолошки речник српског језика. Београд: САНУ, 2003–
- ЕСУМ: Етимологічний словник української мови. У 7-ми т. Т. I–V. АН УРСР. Ін-т мовознавства ім. О. О. Потебні. Ред. кол. О. С. Мельничук (головний ред.) та ін. Т. I–V. Київ: «Наукова думка», 1982–2006.
- ИЛЧЕВ 1962: Ст. Илчев. Към ботевградската лексика // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. I. София: Издателство на БАН, 183–205.
- КАРАЦИЋ 1898: Вук. Стеф. Караџић. Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем ријечима. Треће (државно) издање, исправљено и умножено. Биоград, 1989.
- КОВАЧЕВ 1970: Ковачев, Н. Речник на говора на с. Кръвеник, Севлиево // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. V. София.
- КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 1998: Ж. Колева-Златева. Български названия със звуко-символичен произход // Проглас, 1998, № 2, 92–109.
- КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2002а: Ж. Колева-Златева. За произхода на някои български названия на малки предмети // Трудове на Великотърновския университет “Св. св. Кирил и Методий”, Книга 2 – Езикознание, т. 33, 1977, В. Търново, 121–133.

- КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2002б: Ж. Колева-Златева. К этимологии рус. *xороший* // МАПРЯЛ 2002. Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в начале XXI века. Доклады и сообщения. В. Търново, 2002, 262–265.
- КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2003–2004: Ж. Колева-Златева. К этимологии славянских названий муравьев, восходящих к псл. *mory-, и их индоевропейских соответствий // *Linguistique Balkanique*. XLIII (2003–2004), 2–3, 269–284.
- КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2004: Ж. Колева-Златева. О типологических критериях распознавания слов звуко-символического происхождения в этимологических исследованиях (На материале индоевропейских языков) // *Slavica*. 33. Debrecen, 23–42.
- КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2005: Ж. Колева-Златева. За редупликацията като словообразователен начин // *Езиковедски проучвания в памет на проф. Й. Заимов*. София, 264–272.
- КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2006а: Ж. Колева-Златева. К этимологии польск. *gogołka* (Типология как важный фактор в этимологических исследованиях) // *Rozprawy komisji językowej*. Т. LI. Łódź: Łódzkie towarzystwo naukowe. 2006, 154–165.
- КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2006б: Ж. Колева-Златева. Об этимологии некоторых слов, указанных как неясные в Этимологическом словаре украинского языка // *Slavica XXXV*, 2006, Debrecen, 31–48.
- КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2008а: Ж. Колева-Златева. Славянская лексика звуко-символического происхождения. *Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis*. Vol. 1. Дебрецен, 2008.
- КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2008б: Ж. Колева-Златева. О статусе звукоизобразительных слов в языке // *Slavica XXXVII*, 2008, Debrecen, 33–53.
- КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2009а: Ж. Колева-Златева. Относно приложението на някои наблюдения върху съвременни български образоподражателни думи в этимологията // *Българският език и литература на кръстопътя на културите*. Международна конференция. Сегед, Унгария, 21–22 май 2007 г. Т. II. Szeged: JATEPress, 117–125.
- КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2009б: Ж. Колева-Златева. О смешивании этимологических гнезд омонимичных звукоизобразительных слов // *Slavica XXXVIII*, 2009, Debrecen, 19–34.
- КРЮЧКОВА 2000: О. Ю. Крючкова. Редупликация в аспекте языковой типологии // *Вопросы языкознания*. 2000. №4, 68–84.
- ЛАУЧЮТЕ 1982: Ю. А. Лаучюте. Словарь балтизмов в славянских языках. Ленинград: «Наука».
- МЕЙЕ 1938: А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Москва–Ленинград.
- МЕЛЬНИКОВ 1969: Г. П. Мельников. Почему не во всех языках есть идеофоны? // *Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака*. Ленинград: «Наука», 60–63.
- МИНЛОС 2004: Ф. Р. Минлос. Редупликация и парные слова в восточнославянских языках. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук (научный руководитель – А. Ф. Журавлев). Москва: Институт славяноведения. Online. <http://www.box.net/shared/l385eeohn3>. Accessed: 16.09.2011.
- МЛАДЕНОВ 1941: С. Младенов. Этимологически и правописен речник на българския език. София.
- МЛАДЕНОВ 1969: М. Младенов. Говорът на с. Ново село, Видинско. Трудове по българска диалектология. VI. София.
- НЕГНЕВИЦКАЯ–ШАХНАРОВИЧ 1981: Е. И. Негневицкая, А. М. Шахнарович. Язык и дети. Москва: «Наука».

- ОЖЕГОВ–ШВЕДОВА: С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. Издательство «Азъ», 1992. Online: <http://ak.ak22.net/dict/>. Accessed: 15.03.2011.
- ПОЛИВАНОВ 1968: Е. Д. Поливанов. По поводу звуковых жестов японского языка // Е. Д. Поливанов. Статьи по общему языкознанию. Москва: «Наука», 295–305.
- РОЖАНСКИЙ 2007: Ф. И. Рожанский. Редупликация и названия животных в африканских языках // Вопросы языкознания. №2. 2007, 57–66.
- РОЖАНСКИЙ 2011: Ф. И. Рожанский. Редупликация. Опыт типологического исследования. М.: «Знак».
- РСА: Речник српскохрватског књижевног и народног езика. Београд, Кн. I–, 1959–
- СЕПИР 1993: Э. Сепир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Москва: Издательская группа «Прогресс», «Универс».
- СКАЛИЧКА 1967: В. Скаличка. Исследование венгерских звукоподражательных выражений // Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. Москва: «Прогресс», 277–316.
- СОССЮР 1977: Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики // Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. Переводы с французского языка под ред. А. А. Холодовича. Москва: «Прогресс», 31–285.
- СРНГ: Словарь русских народных говоров. Т. 1– (ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов), Ленинград: «Наука», 1965–.
- ССРНГ: Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). Под ред. И. А. Оссовецкого. Москва: «Наука», 1969.
- СТОЙЧЕВ 1965: Т. Стойчев. Родопски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. II. София: Изд. на БАН, 119–314.
- СТОЙЧЕВ 1970: Т. Стойчев. Родопски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. V. София: Изд. на БАН, 152–221.
- ФАСМЕР: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. Москва, 1986–1987.
- ХИТОВ 1979: Хр. Хитов. Речник на говора на с. Радовене, Врачанско // Българска диалектология. Проучвания и материали. IX. София: Изд. на БАН, 223–342.
- ХУСАИНОВ 1990: К. Ш. Хусаинов. О причинах количественного различия звукоизобразительных слов в разносистемных языках // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата: «Гылым», 158–163.
- ШАХНАРОВИЧ 1979: А. М. Шахнарович. Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе // Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М., Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. Москва: «Наука», 148–191.
- ШКЛИФОВ 1977: Б. Шклифов. Речник на костурския говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. VIII. София: Изд. на БАН, 201–328.
- ШЛЯХОВА 2005: С. С. Шляхова. «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики. Перм. гос. полит. ун-т. Пермь.
- ШЛЯХОВА 2006: С. С. Шляхова. Фоносемантические маргиналии в русской речи. Диссертация... доктора фил. наук. Пермь.
- ЭССЯ: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О. Н. Трубачева. Москва, 1974–
- ЯКОБСОН 1985: Р. Якобсон. Мозг и язык // Избранные работы. Москва: «Прогресс», 270–286.

- ABELIN 1999: Å. Abelin. *Studies in Sound Symbolism*. Doctoral Dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. Department of Linguistics. Gothenburg Monographs in Linguistics 17. Göteborg University, Sweden, 1999.
- ANDERSEN 2009: H. Andersen. Reduplication in Slavic and Baltic: loss and renewal // *Morphology* (2009) 19, 113–134 – Online: <http://www.escholarship.org/uc/item/90w3p2tm>, Accessed: 21.06.2011.
- BECK 2005: D. Beck. Ideophones, Adverbs, and Predicate Modifiers in Upper Necaxa Totonac // *Workshop on Structure & Constituency in Languages of the Americas* 10, March 4–6, 2005. Online: <http://www.ualberta.ca/~dbeck/ideophones.pdf>, Date of Access: 09.12.2007.
- BEZLAJ: Fr. Bezljaj. *Etimološki slovar slovenskega jezika*. T. I–IV. Kn. III, IV dopolnila in revidirala Marko Snoj in Metka Furlan. Ljubljana, 1976–2005.
- BODOMO 2006: A. Bodomo. The structure of Ideophones in African and Asian Languages: The Case of Daagara and Cantonese // *Selected proceedings of the 35th Annual Conference on African Linguistics*. Ed. J. Mugane et al., 203–213.
- BURLING 1999: R. Burling. Motivation, Conventionalization, and Arbitrariness in the Origin of Language. Online. Available: <http://www-personal.umich.edu/~rburling/SantaFe.html>. Date of Access: 15.09.2011.
- CASSIRER 1944: E. Cassirer. *An Essay on Man. An Introduction to a Philosophy of Human Culture*. Garden City, New York.
- EGBOKHARE 2001: Fr. O. Egbokhare. Phonosemantic correspondences in Emai attributive ideophones // *Ideophones*. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). *Typological studies in language* 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 87–96.
- EMENEAU–HART 1993: M. B. Emeneau, K. Hart. Tamil Expressives with Initial Voiced Stops // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, Vol. 56, No. 1, 75–86.
- FEE–INGRAM 1982: J. Fee, D. Ingram. Reduplication as a strategy of phonological development // *Journal of Child Language* 9, 41–54.
- FERGUSON 1983: Ch. Ferguson. Reduplication in child phonology // *Journal of Child Language* 10, 239–243.
- GEBAUER 1970: J. Gebauer. *Slovník staročeský. Druhé nezměněné vydání*. I–II. Praha. (1. Praha. 1894–1898).
- HINTON et al. 1994: L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala. Introduction: sound symbolic processes // *Sound Symbolism*. Eds. L. Hinton, J. Nichols, J. Ohala. Cambridge: Cambridge University Press, 1–12.
- HOLUB–KOPEČNY 1952: J. Holub, F. Kopečný. *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha.
- HURCH 2005: B. Hurch. Introduction // *Studies in Reduplication*. Ed. by B. Hurch. Mouton de Gruyter, 1–10.
- JOSEPH 1987: Brian D. Joseph. On the Use of Iconic Elements in Etymological Investigation: Some Case Studies from Greek. *Diachronica. International Journal for Historical Linguistics* IV.1/2,1–26.
- KARŁOWICZ–KRYŃSKI–NIEDŹWIEDZKI: J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. *Słownik języka polskiego*. T. I – VIII. Warszawa, 1900–1927.
- KOCH 2001: W. Koch. *Consciousness, Communication, Speech. A Condensed View of the Origins of Language*. Online: <http://webh01.ua.ac.be/apil/apil101/koch.pdf>, Date of Access: 16.09.2011.

- KOLEVA-ZLATEVA 2002: Z. Koleva-Zlateva. L'étymologie du mot grec *κόκκαλο(ν)*, en bulgare *kokal* (os) // *Études balkaniques*. 38/3. Sofia, 142–151.
- KOPEČNÝ 1952: F. Kopečný. Poznámka k etymologické metode // *Slavia* XXII, 322–323.
- MACHEK 1956: V. Machek. Expressive Vokaldehnung in einigen slawischen Nomina // *Zeitschrift für Slawistik*. B. I, H. 4, 33–40.
- MACHEK 1971: V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha: Akademia.
- MIKONE 2001: E. Mikone. Ideophones in the Balto-Finnic languages // *Ideophones*. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). *Typological studies in language* 44. Amsterdam: John Benjamin's Press, 223–234.
- MUKA: E. Muka. Slovník dolnosorbškej řeči a jeje narěcow. I–II. Reprint 1966. Pertohrad, 1911–1915, Praha, 1926, 1928.
- NĚMEC 1980: I. Němec. Rekonstrukce lexikálního vývoje. Praha.
- NICHOLS 1971: J. Nichols. Diminutive Consonant Symbolism in Western North America // *Language*. Vol. 47, No. 4, 826–848.
- NUCKOLLS 1999: J. B. Nuckolls. The Case for Sound Symbolism // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 28, 225–252.
- PFUHL: Chr. Tr. Pfuhl. *Obersorbisches Wörterbuch*. Bautzen 1866. Fotomechanischer Neudruck. Bautzen, 1968.
- PSJČ: Příruční slovník jazyka českého. I–IX. Praha, 1935–1957.
Online: <http://bara.ujc.cas.cz/psjc/search.php>. Accessed: 20.10.2010.
- REGIER 1998: T. Regier. Reduplication and the Arbitrariness of the Sign // *Proceedings of the Twentieth Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Gernsbacher, M and Derry, S. (Eds.). Mahwah NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 887–892.
- REICH 1986: Reich, P. A., *Language Development*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.
- RJA: Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–XIX. Zagreb. 1880–1967.
- ROLFE 2000: L. Rolfe. Phonestemes as primary word forms // Bichakjian, B. H., Chernigovskaya, T., Kendon, A., Möller, A. (Eds.), *Becoming Loquens: More Studies in Language Origin*. Frankfurt/M.: Lang, 123–148.
- SKOK: P. Skok. *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. I–IV. Zagreb, 1971–1974.
- SP: *Słownik prasłowiański*. Pod red. Fr. Sławskiego. Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk: Wydawnictwo PAN, 1974–
- SSJ: *Slovník slovenského jazyka*. Ved. red. Št. Peciar. I–VI. Bratislava, 1959–1968.
- VOELTZ–KILIAN–HATZ 2001: F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. Introduction // *Ideophones*. F. K. E. Voeltz, C. Kilian-Hatz. (Eds.). *Typological studies in language* 44. Amsterdam: John Benjamins Press, 1–8.
- WAUGH 1993: L. Waugh. Against Arbitrariness: Imitation and Motivation Revived, with Consequences for Textual Meaning // *Diacritics*. Vol. 23, No. 2, 71–87.
- WERNER–KAPLAN 1963: H. Werner, B. Kaplan. *Symbol formation: An Organismic-Developmental approach to Language and the Expression of Thought*. New York: John Wiley & Sons.
- WESCOTT 1971: R. W. Wescott. Linguistic Iconism // *Language*. Vol. 47, No. 2, 416–428.